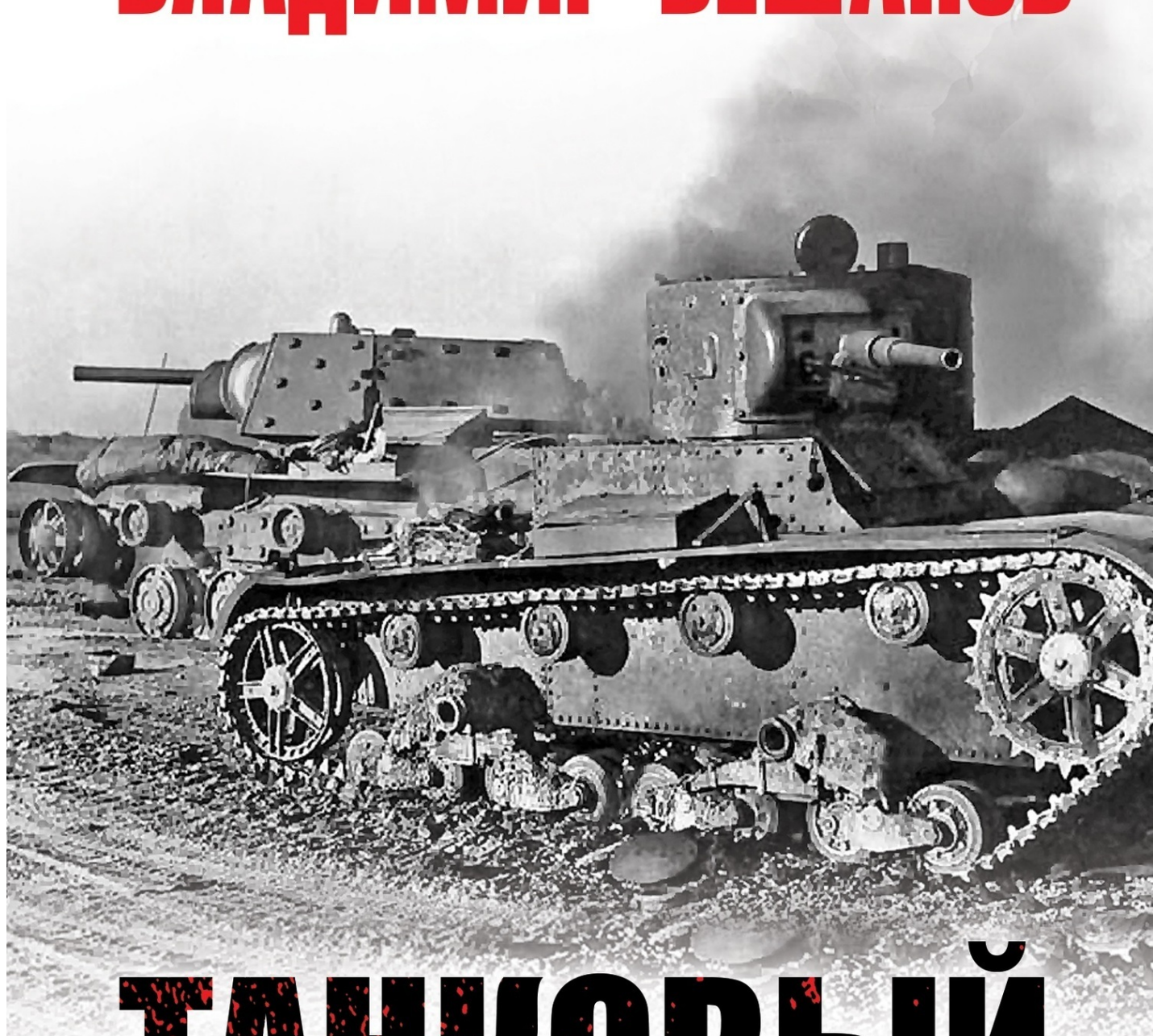

ВЛАДИМИР БЕШАНОВ

**ТАНКОВЫЙ
ПОГРОМ
1941 ГОДА**

Великая Отечественная война. Особое мнение

Владимир Бешанов

Танковый погром 1941 года

«Яуза»

2018

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)

Бешанов В.

Танковый погром 1941 года / В. Бешанов — «Яуза»,
2018 — (Великая Отечественная война. Особое мнение)

ISBN 978-5-6040908-0-0

Эта книга произвела эффект разорвавшейся бомбы, перевернув прежние представления о трагедии 1941 года и причинах разгрома Красной Армии. Это исследование не оставляет камня на камне от ключевых советских мифов, убедительно доказывая, что катастрофическое начало войны нельзя оправдать ни «внезапностью вражеского нападения», ни «техническим преобладанием» Вермахта. Наоборот, летом 41-го наши танковые войска имели абсолютное превосходство над Панцерваффе и по количеству, и по качеству бронетехники, однако первые же столкновения советских мехкорпусов с танковыми дивизиями Вермахта превратились в настоящий танковый погром РККА, наглядно продемонстрировав, что численное и техническое преимущество еще не гарантирует победы – гораздо важнее уметь эту технику грамотно применять. Именно некомпетентность высшего командного состава Красной Армии, непростительные просчеты в оперативном планировании, боевой подготовке и организации снабжения привели к танковому погрому 1941 года, страшным поражениям и колоссальным жертвам с нашей стороны.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-6040908-0-0

© Бешанов В., 2018

© Яуза, 2018

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	8
Советско-германское военное сотрудничество (1922–1933)	8
Первые танки	19
Военные теории и доктрины	24
Великобритания	25
Франция	26
Германия	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Бешанов

Танковый погром 1941 года

Предисловие

Один из самых живучих мифов, до сих пор пронизывающий многие публикации о событиях 1941 года, – миф о подавляющем превосходстве вермахта над Красной Армией в танках, самолетах, артиллерии и других видах вооружения. Его суть известна любому нашему читателю: «немец давил техникой». Тучи германских самолетов, закрывавших крыльями небо над головой и гонявшихся буквально за каждым пехотинцем, стальные лавины танков, заполнивших все дороги, – вот картина, знакомая каждому, кто более или менее регулярно ходил в кино смотреть советские фильмы «про войну». Кроме того, Сталин и его преемники прочно вдолбили послевоенным поколениям тезис о «полной внезапности» фашистского нападения на СССР, прервавшего мирный труд советских граждан.

Версию о тотальном превосходстве немцев в количестве и качестве вооружения, о неожиданности их нападения, помешавшей «привести советские войска в боевую готовность», об исключительно оборонительном характере советской военной доктрины охотно поддерживали в своих мемуарах все маршалы и генералы. Еще бы! Ведь это они отдали под власть оккупантов 40 % населения страны. Вместо того, чтобы вразумительно объяснить причины своих сокрушительных поражений в 1941–1942 годах, они проявляли чудеса изобретательности, доказывая на тысячу ладов версию «о внезапности и превосходстве».

В воспоминаниях Жукова и Еременко, Баграмяна и Мерецкова, Ротмистрова и Сандалова непременно подчеркивается, что у противника были «самые лучшие в мире танки» и что их было очень много, а вот советские боевые машины, которые до войны с гордостью демонстрировали на всех парадах, также внезапно оказались устаревшими, пожароопасными, небоеспособными, их пушки годились только «по воробьям стрелять». Именно поэтому красноармейцам приходилось совершать чудеса героизма, забрасывая бронированные чудовища фашистов бутылками с горючей смесью, кидаться под гусеницы со связками гранат и даже истреблять вражеские экипажи топором.

Во все школьные учебники вошли слова о том, что накануне войны в западных округах СССР «насчитывалось всего 1800 тяжелых и средних танков (в том числе новейших КВ и Т-34 — 1475). Кроме того, имелось много легких танков устаревших типов с ограниченным моторесурсом. Самолетов новейших типов – 1540 и значительное количество машин устаревших конструкций». Таким образом, остальные 14 тысяч (!) танков и почти столько же самолетов «не насчитались».

Сей пассаж, несомненно, является шедевром марксистской «научно-исторической» мысли. Ведь десятком страниц раньше тот же самый источник, повествуя об успехах социалистического строительства в годы 3-й пятилетки, сообщает, что только в период с 1 января 1939 года по 1 июня 1941 года советская промышленность выпустила 17 754 боевых самолета.

Между тем Гитлер бросил на СССР армаду в составе всего лишь 3909 летательных аппаратов, среди которых были транспортные или связные. Вместе с ВВС союзных ему стран – 4642 самолета, т. е. в 3 раза меньше, чем их имелось в западных округах СССР. Что же касается танков и самоходных орудий, то их в немецких войсках, устремившихся 22 июня через границу, было 3855 единиц – в 4 раза меньше, чем в противостоящих им советских войсках! Причем на две трети танки противника были легкими, а на четверть еще и, безусловно, устаревшими.

В июне 1941 года Красная Армия, готовившаяся «освободить» всю Европу, обладала огромным количественным и качественным превосходством над вермахтом в военной тех-

нике. Разумеется, после страшных поражений начального периода войны оно значительно уменьшилось. Но тем не менее немцы в течение всей войны никогда не превосходили РККА по числу танков и самолетов.

Почему в этой книге речь идет о танках? По той причине, что Вторая мировая война была «войной моторов», а танки повсеместно являлись главной ударной силой сухопутных войск. И еще потому, что именно в этой области вооружений преимущество Советского Союза было особенно впечатляющим. В целом РККА имела в своем составе больше танков, чем все армии мира, вместе взятые – 25 000!

Однако вермахт с поразительной легкостью окружал и громил в 1941–1942 годах советские дивизии, корпуса и целые армии. Несоответствие между гигантскими параметрами советской военной машины и мизерностью достигнутых ею результатов порождает два основных вопроса:

1. ПОЧЕМУ ЭТО СТАЛО ВОЗМОЖНЫМ? Ведь сказки о «полной внезапности» нападения, о лучшем качестве германского оружия, о превосходстве немцев в его количестве совершенно несостоятельны.

2. КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО? Конкретно, как случилось, что выведя из строя всего около 800 тысяч германских солдат, мы потеряли 8-миллионную армию? При этом на каждого погибшего красноармейца пришлось десять попавших в плен либо дезертировавших. Сражения 1941 года – не столько война, сколько массовая капитуляция Красной Армии.

Данная книга – попытка ответить на эти КАК? И ПОЧЕМУ? а заодно выяснить: КУДА ПОДЕВАЛИСЬ те 28 тысяч советских танков, которые были в РККА в 1941 году.

Часть 1

До войны

Советско-германское военное сотрудничество (1922–1933)

Если принять за аксиому, что цель любой войны – добиться лучшего состояния мира, чем довоенный, то придется признать, что Первую мировую (1914–1918) проиграли все ее основные европейские участники.

Страны Антанты, по определению «выигравшие» этот мировой конфликт, не получили от победы ничего, кроме ухудшения своего положения. Например, Великобритания затратила на войну 8 миллиардов фунтов, что было в десятки раз больше стоимости всего ее флота. В конечном итоге она заплатила за победу цену, неизмеримо превышающую все реальные или мнимые потери от немецкой конкуренции. За четыре военных года мировые финансово-кредитные потоки, ранее замыкавшиеся на лондонское Сити, переориентировались на Уолл-стрит. Следствием этого стало быстрое перетекание английских капиталов за океан. Великобритания, вступившая в войну мировым кредитором, к концу ее стала страной-должником.

Бельгия и Северная Франция лежали в развалинах. Правда, французы могли иметь моральное удовлетворение от того, что поквитались с заклятым врагом и стали сильнейшей в военном отношении нацией в Европе.

Но сколь бы ни были разнообразны последствия войны, над всем преобладало одно – разочарование. Конфликт 1914 года воспринимался всеми, как непоправимая катастрофа, приведшая к психологическому надлому европейской цивилизации, крушению великих идеалов. «У нашего поколения не осталось великих слов», – обращался писатель Д. Лоуренс к современникам. В сознании миллионов людей течение истории разделилось на два независимых потока – «до» и «после» войны. «До войны» – свободное общеевропейское юридическое и экономическое пространство, непрерывное развитие науки, техники, экономики; постепенное, но неуклонное расширение личных свобод.

«После войны» – развал Европы, превращение большей ее части в конгломерат мелких полицейских государств с примитивной националистической идеологией; перманентный экономический кризис; поворот к системе тотального контроля над личностью.

Кому общеевропейская бойня пошла на пользу, так это Соединенным Штатам и Японии, добившимся наконец официального статуса «великих держав».

А Европа раскололась на «победителей» и «побежденных». Последних заставили заплатить за все. Версальский мирный договор 1919 года был не актом установления мира, лучшего, нежели довоенный, а инструментом для наказания проигравших, в первую очередь Германии, запрограммировав все кризисы и конфликты последующего двадцатилетия. И не только потому, что был излишне суров, но и вследствие того, что он нарушал условия перемирия от 11 ноября.

5 октября 1918 года германское правительство обратилось к президенту США Томасу Вудро Вильсону с нотой, в которой принимало его «Четырнадцать пунктов» и просило о мирных переговорах. После оживленной переписки президент 5 ноября дал немцам окончательный ответ, в котором указывалось, что союзные правительства «заявляют о своем желании заключить мир с германским правительством на условиях, указанных в послании президента конгрессу от 8 января 1918 года («Четырнадцать пунктов»), и на принципах урегулирования, изложенных в его последующих посланиях».

Кстати, союзники прекрасно понимали, на чьи деньги делалась Октябрьская революция в России и на чьих штыках держалась Советская власть. Пункт шестой выдвигал требования освобождения немецкими войсками всей русской территории и такое урегулирование «русского вопроса», которое гарантирует России «самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения... возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечение ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет». Здесь у Вильсона голова болела напрасно: большевики уже избрали для России образ правления, и меньше всего их интересовало мнение «сообщества свободных наций». Однако территориальных претензий к Германии, за исключением возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии и уступок в пользу возрождаемой Польши, в «Четырнадцати пунктах» не было.

Таким образом, мирные условия должны были согласовываться с обращением американского президента, а предметом занятий мирной конференции являлось «обсуждение деталей их проведения в жизнь». Одним из условий перемирия было фактическое разоружение и капитуляция Германии. Но как только она это сделала и оказалась совершенно беспомощной, союзники ввели свои войска в Рейнскую зону и первым делом разорвали условия перемирия, отказавшись от данных обязательств.

Представители Германии даже не были допущены на Парижскую мирную конференцию (18.01.1919— 21.01.1920). На всем ее протяжении союзники не прерывали блокады Германии, все их войска были наготове. Подписание мирного договора предполагалось проводить под дулом наведенного пистолета. Теперь условия мира были совершенно другие, из двадцати трех условий президента Вильсона только четыре были включены в договор. Франция, вынесшая на себе основную тяжесть этой войны, не смогла отказать себе в удовольствии сплясать на костях поверженного противника. Премьер-министра Жоржа Клемансо обурежала лишь одна идея: наказать Германию и навсегда превратить ее во второразрядную страну.

Условия договора состояли из трех блоков вопросов: экономического, территориального и военного. Первым делом Германию заставили принять на себя целиком вину за войну и на ее счет записали всю ее стоимость. Немыслимые выплаты по репарациям должны были окончательно подорвать и без того уже истощенные экономические ресурсы страны. Во-вторых, помимо колоний Германия должна была отдать и собственные территории, в том числе часть Пруссии. Эти земли достались частью победителям – Франции, Бельгии, а частью – вновь созданным на обломках европейских империй государственным образованиям: Польше, Чехословакии, Литве. Сотни тысяч немцев оказались вдруг неизвестно кем, и эти немцы вскоре с энтузиазмом будут приветствовать Гитлера.

Наиболее дальновидные западные политики предвидели губительные последствия этих решений. Так, премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж 25 марта 1919 года направил мирной конференции меморандум, озаглавленный «Некоторые соображения для сведения участников конференции перед тем, как будут выработаны окончательные условия». В документе говорилось:

«Вы можете лишить Германию ее колоний, превратить ее вооруженные силы в простую полицию, низвести ее военно-морской флот на уровень пятистепенной державы, однако, если в конце концов Германия почувствует, что с ней несправедливо обошлись при заключении мирного договора 1919 года, она найдет средства, чтобы добиться у своих победителей возмещения... Несправедливость и высокомерие, проявленные в час триумфа, никогда не будут забыты и прощены.

По этим соображениям я решительно выступаю против передачи большого количества немцев из Германии под власть других государств, и нужно воспрепятствовать этому, насколько это практически возможно. Я не могу не усмотреть причину будущей войны в том,

что германский народ, который проявил себя как одна из самых энергичных и сильных наций мира, будет окружен рядом небольших государств. Народы многих из них никогда раньше не могли создать стабильных правительств для самих себя, а теперь в каждое из этих государств попадет масса немцев, требующих воссоединения со своей родиной. Предложение комиссии по польским делам о передаче 2 100 000 немцев под власть народа иной религии, народа, который на протяжении всей своей истории не смог доказать, что он способен к стабильному самоуправлению, на мой взгляд, должно рано или поздно привести к новой войне на востоке Европы».

Предостережение не было услышано. Франция стремилась к расчленению Германии, создавая блок независимых католических государств от Австрии до Нижнего Рейна. Особенно болезненным был вопрос о Польском коридоре. Как писал в 1929 году М. Фоллик, «чтобы дать Польше морской порт, было совершено другое преступление против Германии: у нее отобрали Данциг... Но из всего наиболее немецкого в Германии Данциг является самым немецким... Рано или поздно Польский коридор стал бы причиной будущей войны. Если Польша не вернет коридор, она должна быть готова к самой губительной войне с Германией, к анархии и, возможно, к возвращению в состояние рабства, из которого только недавно освободилась».

Еще через десять лет все предсказания сбудутся, но пока... пока в разгаре «пир победителей». Первым делом Германия возвращала Франции Эльзас и Лотарингию, Бельгии – округа Мальмеди и Эйпен. Часть Поморья и территории в Западной Пруссии передавались Польше, Данциг объявлялся «вольным городом», Мемель (Клайпеда) перешел в ведение победителей и в 1923 году был присоединен к Литве. Кроме того, в 1920 году к Дании отпала часть Шлезвиг, а в 1921 году Польше досталась часть Верхней Силезии. Небольшой участок силезской территории нарезали и Чехословакии. Саар на пятнадцать лет отдавался под управление Лиги Наций, а его угольные шахты были переданы в собственность Франции. Германия лишалась всех своих колоний, которые позднее были поделены между Великобританией, Францией, Бельгией и Японией.

Конечно, сами составители договора сознавали его несправедливость и потому в блоке военных условий стремились навсегда искоренить немецкую военную мощь. Они уничтожили или конфисковали большую часть вооружения и средств для его создания, лишили Германию новых видов оружия, которые появились в годы войны: самолетов, танков, подводных лодок и отравляющих газов, а также сократили до максимума немецкие вооруженные силы. По договору 14 тысяч самолетов были переданы союзникам либо пошли на слом, производство или покупка военной авиатехники были запрещены. Военно-морской флот сократили до символической численности: 15 тысяч личного состава, 6 устаревших эскадренных броненосцев, 6 легких крейсеров и 24 миноносца. В дополнение к этому большинство кораблей торгового флота конфисковали в качестве платежей по репарациям. Ввоз в Германию оружия и другого военного имущества запрещался, большинство укреплений подлежало уничтожению.

Довоенная армия Германии насчитывала два миллиона человек. Теперь она не должна была превышать 100 тысяч, причем офицерский состав ограничивался 4 тысячами человек. Службу пришлось сделать добровольной, так как воинскую повинность запретили. Для того чтобы предотвратить создание обученного резерва, мужчинам приходилось служить длительные сроки (офицерам 25 лет, остальным – 12 лет). Генеральный штаб распускался, а военные академии закрывались.

Наблюдение за выполнением договора Германией должна была осуществлять смешанная комиссия союзников по военному контролю, в состав которой входили группы, предназначенные для промышленности и каждого рода войск. Инспекторами являлись военные специалисты из пяти держав, которые готовили договор: Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и Японии. Американская делегация, возглавляемая президентом Вильсоном, принимала участие в заседаниях в Версале, но сенат США отказался ратифицировать договор, и американ-

цам не пришлось участвовать в работе инспекционной комиссии. «Это не договор о мире, – предостерег один из членов американской делегации. – По меньшей мере, я вижу в нем одиннадцать войн».

Условия Версальского договора стали известны 7 мая 1919 года, и их суровость ошеломила немецкий народ. Люди почувствовали, что над ними надругались и предали. Немцы отрицали коллективную ответственность за развязывание войны; они полагали, что их вынудили к этому Франция и Россия. Более того, они надеялись, что радикальная смена формы государственного управления – монархии кайзера на парламентскую демократию – смягчит условия мира. Выйдя на улицы в знак протеста, немецкие граждане заявили, что Версальский договор – «договор насилия».

Президент Германии социалист Фридрих Эберт окрестил договор как «неосуществимый и невыносимый», однако у его правительства не оставалось другого выхода, как принять его. Морская блокада союзников привела к голоду в стране, а если бы немцы вздумали оказать сопротивление, они бы столкнулись с вторжением французских, английских и американских войск, стоявших в большом количестве вдоль Рейна. Лишь за девятнадцать минут до того, как истекал последний срок, установленный победителями, правительство уступило. Формально Германия подписала ненавистный договор 28 июня 1919 года. Присутствовавший при этой процедуре премьер-министр Италии Ф.С. Нитти написал в своей книге с характерным названием «Нет мира в Европе»:

«В современной истории навсегда останется этот ужасный прецедент: вопреки всем клятвам, всем прецедентам и всем традициям, представителям Германии не дали слова, им ничего не оставалось делать, как подписать мир; голод, истощение, угроза революции не давали возможности поступить иначе». Именно эти обстоятельства дали впоследствии возможность Гитлеру сплотить вокруг себя всю Германию и оправдать в глазах немецкого народа любое нарушение «грабительского мира».

Так под грохот артиллерийского салюта 28 июня 1919 года была погребена Первая мировая война и зачата Вторая. Непосредственной ее причиной был Версальский договор.

Потерпев военное поражение, Германия оказалась к 1920 году в состоянии экономического краха. Территориальные потери, передача победителям в счет репараций материальных ресурсов, инфляция, политическая нестабильность вели к постоянному спаду промышленного производства. Отсутствие механизма выплаты репараций вызывало постоянные кризисы, которые под давлением Франции разрешались силой. Так, в конце 1922 года германские руководители обратились к правительствам стран-победительниц с просьбой временно отложить выплаты по Версальскому договору. Французский премьер-министр Раймонд Пуанкаре отказался пойти навстречу и, когда Германия прекратила платежи Франции, приказал французской армии занять Рурский район, который на четыре пятых снабжал страну углем и сталью.

В результате январского кризиса 1923 года инфляция в Германии достигла такой высоты, что для покупки буханки хлеба требовалась тачка, нагруженная немецкими марками. Волнения и беспорядки охватили страну, в течение шести месяцев армии пришлось подавлять мятежи крайних левых и правых, включая путч, начатый в мюнхенском пивном зале Адольфом Гитлером и его национал-социалистами.

Поэтому желание вооружаться становилось в Германии все сильнее, и не только среди радикальных националистов. Так как договор сделал вооруженные силы едва способными обеспечить внутреннюю безопасность и совершенно неспособными защищать границы Германии в недружественной Европе, многие немецкие лидеры руководствовались обыденным патриотизмом и страхом перед иностранной интервенцией. Другие исходили из перспектив получения прибыли и восстановления международного влияния. Каковы бы ни были мотивы, но и кадровых офицеров, и политиков, и промышленников сплотил единый лозунг свободы вооружений. Ради его осуществления они готовы были нарушить условия Версаля.

В июне 1920 года военное ведомство Германии назначило командующим стотысячным рейхсвером генерал-майора Ганса фон Секта. «Беззащитный – неуважаемый», – таким был его основной принцип при организации новой немецкой армии. «Нейтрализовать яд» Версальского договора – в этом он видел свою первостепенную задачу.

Фактически с самого начала Сект нашел способы обойти ограничения Версаля и не устал придумывать новые лазейки. Он сохранил генеральный штаб, упрятав его функции в невинное название Управление войск и маскируя его различные подразделения другими фиктивными названиями. Деятельность разведки штаба, например, происходила в двух мнимых агентствах, которые назывались «статистический отдел» и «служба благосостояния». Он обошел ликвидацию военных академий, создав программу «специальных курсов» в самой армии, которая выполняла те же задачи.

С целью увеличения офицерского корпуса Сект маскировал свой управленческий аппарат, скрытно замещая офицерами должности гражданского персонала, как в Министерстве обороны, так и в других правительственных ведомствах, добавив новый контингент для заполнения мнимых вакансий. Сект также содержал незаконные вооруженные силы для защиты восточных границ Германии против возможного вторжения вновь созданного польского государства. Эти войска (так называемый «черный рейхсвер»), насчитывавшие около 60 тысяч бывших участников добровольческих отрядов, были обучены, вооружены и замаскированы под штатских рабочих. Правда, «черный рейхсвер» позже все-таки пришлось распустить.

Сект также смотрел сквозь пальцы на наращивание полицейских сил, превышавших ограничения по Версальскому договору, используя их как резерв личного состава армии. Закаленные в боях офицеры надевали полицейскую форму и проводили военную подготовку тысяч новобранцев. Только прусская полиция насчитывала 85 тысяч человек, которые имели на вооружении винтовки, пулеметы и даже бронемашин. Некоторые из специально подготовленных немецких полицейских в период Второй мировой войны возглавили дивизии и корпуса.

Сект решил, что ограниченный контингент рейхсвера в известной степени даже выгоден. Он позволял ему быть более разборчивым, чем если бы у него была огромная армия призывников. На каждую вакансию среди солдат и унтер-офицеров приходилось семь претендентов. Отобранные кандидаты отвечали самым высоким в мире физическим требованиям. Они получали необычно высокое жалованье: в семь раз больше, чем, к примеру, во французской армии. Сект создавал структуру рейхсвера как кадровой профессиональной армии с перспективой последующего расширения. Рейхсвер Секта был профессиональной армией. Именно поэтому он стал впоследствии источником подготовленных командных кадров для Вермахта.

Каждый солдат и офицер рейхсвера готовился таким образом, чтобы занять вышестоящую должность и взять ответственность немедленно. В случае мобилизации майоры становились полковниками или генералами, а лучшим из солдат и унтер-офицеров присваивалось звание лейтенантов. Так как договор не ограничивал процентное соотношение солдат и унтеров, необычайно высокий комплект сержантов и ефрейторов – один на двух рядовых – готовили к очередному повышению.

Однако ограничения арсенала не давали Секту возможности испытать появившиеся в ходе войны новые тактические принципы боя в реальном масштабе. Полевые учения и маневры приходилось осуществлять с имитационным оружием, таким как фанерные танки или пушки из деревянных бочек. «Вражеские самолеты» были представлены игрушечными надувными шарами, а массовые передвижения войск демонстрировал один солдат с плакатом, на котором было написано: «Я – взвод» или «Это – группа автоматчиков из семи человек».

В это трудное для Германии время немцы решили обратиться к старым своим друзьям и таким же изгоям мирового сообщества – российским большевикам.

Советское руководство в начале 20-х годов также столкнулось с рядом проблем. Ленин и его компания «профессиональных революционеров», совершив при активной немецкой

помощи и поддержке Октябрьский переворот и залил страну кровью в Гражданской войне, завоевали-таки Россию. Теперь надо было «научиться Россией управлять». Поход в Европу не удался, разбитые красные конники откатились от стен Варшавы, по стране прокатился вал крестьянских мятежей. Все это заставило Политбюро отложить «мировую революцию» и объявить мирную передышку. Насущными задачами стало восстановление экономики и нормализация жизни в стране.

Однако, подписав с немцами Брестский мир, большевики за полгода до конца мировой войны сделали русских из победителей побежденными, а отказ от уплаты дореволюционных долгов и приверженность лозунгам типа «Даешь Париж!» привели к политической и экономической изоляции страны. Вокруг «Совдепии» создавался санитарный кордон для предотвращения распространения «бацилл большевизма» (эту болезнетворную характеристику своей идеологии дал сам Ленин на VIII съезде РКП(б)). Снятие экономической блокады в январе 1920 года позволило начать контакты с европейскими странами, но они так и не стали достаточно прочными.

Россия полностью утратила завоеванные Империей позиции на международной арене и территории в Восточной Европе. По уровню своего влияния страна оказалась отброшенной на двести лет в прошлое. В этих условиях советское руководство могло либо согласиться с региональным статусом СССР, либо вновь начать борьбу за возвращение в клуб великих держав. Точнее сказать, не было даже и такой альтернативы, ибо большевизм агрессивен по своей сути, а «коммунизм не может существовать в отдельно взятой стране... окончательно победить можно только в мировом масштабе» – это хорошо понимали бородатые классики. Поэтому советское руководство взяло на вооружение концепцию «мировой пролетарской революции», совмещая новую идеологию с традиционной задачей внешней политики по усилению влияния страны в мире. Стратегической целью стало глобальное переустройство сложившейся системы международных отношений, что делало основными противниками Англию и Францию, а главным и естественным союзником – разбитую Германию.

16 апреля 1922 года, в период Генуэзской конференции, в итальянском местечке Рапалло советская и немецкая делегации подписали межправительственное соглашение, в соответствии с которым между Россией и Германией были восстановлены дипломатические отношения. По Рапальскому договору оба правительства взаимно отказывались от возмещения военных расходов и невоенных убытков, причиненных им и их гражданам во время войны. Оба государства обоюдно прекращали платежи за содержание военнопленных. Были согласованы и вопросы экономического характера.

Подписанию договора предшествовали продолжительные секретные переговоры, начатые еще 5 мая 1921 года Леонидом Красиным и Карлом Радеком с сотрудниками Министерства обороны Германии. Немецкую сторону представляли генералы Ганс фон Сект, Курт фон Шлейхер, Йоганн Хасс и другие. Темой переговоров было укрепление российской военной промышленности с помощью Германии: для создания современной армии большевикам требовалось техническое содействие и финансовая помощь. С помощью немецких субсидий и специалистов советское правительство рассчитывало заложить основы авиационной и других отраслей военной промышленности.

У Германии были свои резоны. Русские не являлись участниками Версальского договора и не были заинтересованы в его поддержке. Огромные природные богатства России, а также полигоны, удаленные от любопытных глаз наблюдателей западных держав, давали идеальные возможности как для создания видов вооружений, запрещенных договором, так и для подготовки контингента для рейхсвера. Поэтому немцы проявили повышенный интерес к переговорам с советскими представителями. О ходе их Сект лично информировал рейхсканцлера К.И. Вирта. В специальном меморандуме генерал формулировал: «Мы хотим двух вещей: во-первых, усиления России в хозяйственной и политической, т. е. Военной области и, таким обра-

зом, косвенно, собственного усиления, поскольку мы укрепляем возможного будущего союзника; далее мы хотим непосредственного собственного усиления, для чего поможем создать в России военную промышленность, которая может послужить нам в случае необходимости».

Итогом переговоров стали секретные соглашения, подписанные 11 августа 1922 года.

В целях расширения контактов между рейхсвером и РККА в феврале 1923 года Германия направила в Москву делегацию, возглавляемую генералом Хассом, руководителем войскового отдела Министерства обороны. В состав делегации был включен специалист по авиационной технике из отдела вооружения и технического оснащения. В декабре того же года в Москве было открыто представительство рейхсвера под скромным названием «Московский центр». Его возглавил полковник Герман фон дер Лит-Том-сен, работавший под псевдонимом фон Лиц. О характере деятельности этой организации говорят, в частности, материалы секретных переговоров, на которых были рассмотрены следующие проблемы:

- о реконструкции заводов подводных лодок в городе Николаеве концерном «Блом унд Фосс»;
- о создании в России самолетостроительных заводов «Юнкере» и «Фоккер»;
- о направлении на работу в советские конструкторские бюро (самолетостроительные, машиностроительные, артиллерийские, боеприпасов и танковые) немецких специалистов.

Принятые решения оперативно проводили в жизнь. Например, выполняя заказ рейхсвера, советская промышленность в 1926 году поставила Германии 400 тысяч снарядов для трехдюймовых орудий. Несмотря на версальский вердикт, Германия в союзе и с помощью России наращивала свою военную мощь. Этому способствовало заключение новых тайных и официальных соглашений. Так, 12 октября 1925 года был заключен советско-германский экономический договор. Спустя шесть месяцев, 24 апреля 1926 года, подписан «Договор о дружбе и нейтралитете между Германией и СССР».

Самая нежная дружба крепилась и между военными. С 25 по 30 марта 1926 года в Берлине состоялась строго секретная встреча руководителей военных ведомств. Они обсуждали меры, направленные на усиление сотрудничества между двумя странами в военной области. Ответственными лицами в деле решения всех вопросов военного сотрудничества были назначены: в Берлине – генерал-полковник Сект, в Москве – заместитель наркомвоенмора И.С. Уншлихт. Непосредственная организация контактов между двумя сторонами возлагалась на советского военного атташе в Берлине Лунева; в Москве – представителя рейхсвера полковника Томсена.

После этой встречи советско-германское сотрудничество стало приобретать все более широкие формы. Оно охватило как чисто военные, так и военно-промышленные сферы деятельности. Для налаживания деловых контактов с Красной Армией Сект организовал в Генеральном штабе отделение, известное как «Зондергруппа R» – «специальная группа по России». На взаимной основе было решено:

- осуществить знакомство с состоянием и методикой учебно-боевой подготовки армий двух стран, для чего стороны должны были направлять своих представителей на учения и маневры;
- развернуть более тесное взаимодействие в вопросах разработки проблем военной науки, для чего должны были направлять представителей командного состава на обучение в военные учебные заведения сторон;
- направлять в Германию представителей советских военных управлений для изучения немецкого опыта;
- организовать и проводить опыты с химическим оружием;
- развернуть в СССР три центра боевого применения: авиации – «Липецк», бронетанковых войск – «Кама», химических войск – «Томка».

По программе развития Люфтваффе, разработанной германским военным командованием, ежегодно отбирались 60 человек и направлялись на 18-месячные курсы летчиков. Курсы были разбиты на два этапа. Сначала обучающиеся проходили теоретическую подготовку и практическую подготовку в Германии на учебных или коммерческих самолетах, а затем их направляли на четырехнедельную летную практику в Липецкую авиационную школу

Это летное училище, возглавляемое майором Вальтером Штаром, стало первым настоящим центром подготовки пилотов для германской военной авиации после окончания войны и входило в организационную структуру германских ВВС, которых официально не существовало. Правительства двух дружественных стран – Германии и СССР – позаботились и о том, чтобы немецким летчикам было на чем летать и совершенствовать свое летное мастерство. Авиационный завод в Филях получил германский заказ на производство самолетов «юнкере»; только в это предприятие, выпускавшее разведывательные самолеты для советских ВВС, было вложено более 100 миллионов немецких марок. В строительстве самолетов в Советском Союзе активное участие принимал немецкий инженерно-технический персонал. Тайные советские заказы по созданию боевых самолетов исполняли фирмы Эрнста Хейнкеля и Клаудиуса Дорнье. Кроме того, Германия тайно через подставных лиц (якобы для аргентинских ВВС) закупила у Антони Фоккера в Амстердаме 50 истребителей, переправив их затем в Липецк.

Начиная с июля 1925 года в Липецкой военно-авиационной школе в глубокой тайне от всего мира немецкие летчики совершенствовали приемы высшего пилотажа, осваивали «слепые» полеты и полеты на больших высотах, производили учебные стрельбы из пулеметов по движущимся мишеням и наземным целям, бомбометание с больших высот и с пикирования, штурмовали наземные объекты и корректировали артиллерийский огонь, тренировались в ведении разведки и аэрофотосъемке, отрабатывали распыление боевых газов с воздуха, проводили учебные бои. Секретность, правда, пришлось организовать чрезвычайную: три человека, погибшие на «научно-испытательной станции» в результате аварий, были отправлены домой в ящиках, помеченных как «запасные части». Около 220 немецких летчиков и другой летный персонал закончили учебные курсы, которые действовали в течение восьми лет. Среди них были многие ставшие позже известными асами и высокопоставленными офицерами Люфтваффе – Г. Фосс, В. Блуме, В. Макроцки, Г. Рессинг, Г. Ешонец, Г. Шпайдель, К. Штудент и другие. Здесь же прошли обучение 750 человек наземного, в основном советского, персонала. Немецкие пилоты из «4-го неотдельного авиаотряда» принимали участие в совместных маневрах с Красной Армией, развивая тактику тесной воздушной поддержки сухопутных операций, которую Люфтваффе применяют в дальнейшем с опустошительным эффектом. Все расходы по организации, оборудованию и содержанию школы несла германская сторона.

С 1928 года при авиашколе работал центр по испытанию новых немецких самолетов, нелегально строившихся по заданию Военного министерства Германии фирмами Юнкерса, Хейнкеля, Дорнье, Арадо, Фокке-Вульфа, бомбардировочных прицелов, стрелкового вооружения, авиабомб (в том числе памятной советским людям «зажигалки»), бортового радиооборудования, аппаратуры аэрофотосъемки.

Возможно, слегка преувеличив, но все же зная, о чем говорит, военно-воздушный атташе германского посольства в Москве полковник Ашенбрэннер в 1940 году назвал Липецкую школу «колыбелью германской военной авиации».

Сверхсекретной учебной и научной химической базой была «Томка», находившаяся близ города Вольска, – ныне широко известные Шиханы. Здесь немецкие специалисты проводили опыты по применению отравляющих веществ, а также отрабатывали способы дегазации и действий на зараженной местности. На этой же базе проводились испытания ОВ и новых противогазов. Все эти мероприятия проходили под пристальным контролем начальника химического управления РККА Фишмана, который делал регулярные доклады о ходе работ наркому обороны К.Е. Ворошилову. Одним из объектов советско-германского сотрудничества в этой

области стал построенный в 1927 году в Куйбышевской области химический завод «Берсоль», производивший 6 тонн отравляющих веществ в сутки.

И была еще, основанная в 1926 году (фактически функционировать она начала с 1929 года), танковая школа «Кама» – сокращенное название от города Казани и фамилии первого начальника школы полковника Мальбрандта. В ней прошли обучение десятки немецких военных, в их числе будущие командующие танковыми армиями и корпусами, многие известные командиры нацистской Германии. Побывал здесь с инспекцией и Гейнц Гудериан, с интересом наблюдавший за испытанием опытных образцов тяжелых и легких танков. В регулярных сводках Разведупра на имя К.Е. Ворошилова немецкие стажеры именовались «друзьями» и «арендаторами», а осваиваемая ими техника – «тракторами». С 1928 года школа работала под вывеской «Технические курсы ОСОАВИАХИМа».

Таким образом, начиная с 1925 года, немецкие солдаты и офицеры в штатской одежде нелегально прибывали в Советский Союз, чтобы учиться летать на самолетах и водить танки. Высокопоставленные генералы рейхсвера совершали инспекционные поездки в учебные центры под видом членов мнимых делегаций рабочих-коммунистов из Германии. В военных заведениях СССР немцы получали вымышленные фамилии и форму военнослужащих Красной Армии без знаков различия. Здесь хочется отметить, что немцам это было не впервой. Еще в 1918 году кайзеровские «красноармейцы» стажировались в рядах РККА, помогая своим союзникам-большевикам победить в Гражданской войне. Кстати, нарукавные нашивки «непобедимой и легендарной» в те поры украшала свастика, и очень может быть, что не из Тибета или Индии попал сей символ на флаги нацистов, а завезен был в Германию «интернационалистами» с родины «победившего пролетариата».

Конечно, Контрольная комиссия союзников и их правительства были не настолько уж доверчивыми. Данные инспекций, собранные разведслужбами факты, отдельные сообщения информаторов – все указывало на усилия немцев по перевооружению. Появлялись разоблачительные статьи, включая публичное освещение сотрудничества рейхсвера с Красной Армией. В частности, в 1926 году газета «Манчестер Гардиан» опубликовала материал о поставках снарядов из России в Германию. Это привело к отставке кабинета министров Маркса, но не к прекращению поставок. Ряд обстоятельств привел к тому, что союзники по большому счету не обращали пристального внимания на военное возрождение Германии. Они оказались поглощенными проблемами своих стран и не склонны были принуждать немцев к соблюдению договора, чтобы снова не вызвать войну. Союзники знали, что рейхсвер несопоставим с французской армией численностью 612 тысяч человек и подготовленным резервом, превышавшим эту цифру в шесть раз. Даже Польша, имевшая 266 тысяч солдат регулярной армии и 1000 самолетов, была в 20-е годы сильнее Германии.

Возможно, члены комиссии верили заверениям германского правительства, что мечтает только о сохранении мира. В 1925 году Германия наряду с Францией, Италией и Бельгией подписала пакт Локарно. Страны-участницы договорились не развязывать войны друг против друга в течение, по крайней мере, тридцати лет. Допуск Германии в Лигу Наций спустя девять месяцев стал последним сигналом составителей Версальского договора для возвращения страны в международное сообщество. Германский министр иностранных дел Густав Штрессман провел такую энергичную кампанию, чтобы заверить мир в благородных намерениях Германии (одновременно тайно поддерживая незаконное перевооружение страны), что удостоился в 1926 году Нобелевской премии мира.

Возрождению Германии немало способствовало традиционное англо-французское соперничество. Великобритания всегда стремилась поддерживать равновесие сил в Европе. Дж. Фуллер по поводу английской внешней политики писал: «Врагом становилось не самое плохое государство, а то, которое больше, чем остальные, угрожало Британии и ее империи. Так как такое государство обычно было сильнейшим из числа континентальных держав, бри-

танские государственные деятели в мирное время были на стороне второго по силе государства... Исходя из этого принципа, они вовсе не стремились к уничтожению противника, ибо это навсегда бы расстроило равновесие сил. Вместо этого целью войны было такое ослабление сильнейшего государства, чтобы можно было восстановить равновесие сил». Таким образом, идеалом британской политики было существование в Европе двух равных великих держав или групп держав, равновесие между которыми поддерживалось бы гирьками с Даунинг-стрит.

Французская политика, напротив, была направлена на достижение гегемонии в Европе, и здесь главной задачей было удержание в состоянии слабости Германии – единственной континентальной державы, способной соперничать с Францией. В 1919 году французы своего добились, но очень скоро две противоположные концепции столкнулись. Уже после оккупации Рура Францией в 1923 году Великобритания постепенно вернулась к своей традиционной политике и начала выступать в пользу Германии, чтобы создать противовес Франции – следовало восстановить равновесие.

Это прекрасно понимали и использовали германские политики 20-х годов, а вслед за ними и «фюрер германской нации». В «Майн кампф» Гитлер писал: «Когда колониальное, экономическое и коммерческое могущество Германии было уничтожено, Англия достигла своих целей войны. Все то, что шло дальше этих целей, становилось препятствием с точки зрения британских интересов. Только враги Британии могли выиграть от исчезновения Германии из числа великих континентальных держав Европы».

В результате в начале 1927 года, на пять лет раньше установленного срока, западные страны отозвали Контрольную комиссию. Английское, французское и бельгийское правительства настолько были единодушны в своем решении, что просто проигнорировали ее заключительный доклад, который сводился к одному убийственному выводу: «Германия никогда не разоружалась, никогда не имела намерения разоружаться и в течение семи лет делала все, что от нее зависело, чтобы ввести мир в заблуждение и осуществлять встречный контроль над комиссией, назначенной контролировать ее разоружение».

В 1932 году Германия добилась снижения объема, а затем и полной отмены репараций. Мировой кризис 1929–1933 годов сильно ударил по Германии, экономика которой в значительной степени держалась на иностранных инвестициях. Отзыв капиталов из страны привел к краху всего финансового фундамента. Экономический кризис привел к острому политическому кризису, выход из которого был найден в передаче власти НСДПА. В результате резко усилилось государственное вмешательство в экономику на основе стимулирования тяжелой промышленности и милитаризации. Германия смогла наконец осуществить свою мечту – вооружаться!

С приходом к власти нацистов и разрывом Версальского договора необходимость в фигурных листках отпала. По указанию Гитлера военные связи между Россией и Германией были прерваны. В 1933 году «предприятия друзей» в СССР были ликвидированы, немцы уехали, забрав с собой свои «тракторы». Но наработки германских специалистов по сельскохозяйственной технике весьма скоро нашли применение в машинах, сконструированных советскими «паровозостроителями» – Т-26, Т-28, Т-35 и ВТ.

Соглашение в Рапалло уже сыграло к тому времени свою роль в наращивании немецкого военного потенциала, став первым звеном в цепи, которая привела к советско-германскому пакту 1939 года и секретным протоколам о разделе сфер интересов.

Для Германии основной внешнеполитической целью была ревизия Версальского договора, а в перспективе и глобальное изменение существующей системы международных отношений. Используя противоречия между великими державами, немцам уже к концу 1932 года удалось устранить наиболее тяжелые последствия поражения в Первой мировой войне. Кризис 1935–1938 годов усилил позиции Германии, которая нашла союзников и новые возможности для давления на Англию и Францию. Используя в своих целях политику «умиротворения»,

достижения в экономике, военном строительстве, идеи антибольшевизма, пацифизма и национализма, Германия смогла приступить к демонтажу Версальской системы.

«Гитлер принялся за ликвидацию статьи за статьей Версальского договора, так же как его создатели в свое время ликвидировали все условия перемирия», – писал Дж. Фуллер. 16 марта 1935 года фюрер объявил о введении всеобщей воинской повинности; 7 марта 1936 года была ремилитаризирована Рейнская область; 13 марта 1938 года – аннексирована Австрия; в октябре того же года – оккупирована Судетская область Чехословакии; между делом у Литвы отобрали Мемель, а затем Гитлер потребовал возврата Данцига и Польского коридора. Сбывалось все то, что предрекал Ллойд Джордж.

Таким образом, к концу 1938 года Версальская система прекратила свое существование, а Мюнхенское соглашение значительно усилило влияние Третьего рейха на международной арене. В этих условиях германское руководство поставило перед собой новую амбициозную цель: достичь гегемонии в Европе, закрепив за собой роль великой мировой державы.

Проанализировав ситуацию, Гитлер решил, что частные уступки Англии и Франции в принципе проблемы не решают и для завоевания гегемонии в Европе нужна небольшая победоносная война: «Необходимо применение вооруженной силы прежде, чем произойдет последнее крупное столкновение с Западом. Нужно испытать инструмент войны». На майском совещании с руководителями вермахта Гитлер предупредил генералитет: «Национальное объединение немцев, за немногими исключениями, осуществлено. Дальнейшие успехи без кровопролития достигнуты быть не могут». Чтобы обеспечить себе тыл в столкновении с Западом, фюрер предложил советскому правительству пакт о ненападении. Оговорив свою долю, Сталин с радостью согласился подписать договор и секретные протоколы, открыв тем самым шлязы Второй мировой войны.

1 сентября 1939 года германские танковые клинья вспороли Польшу.

Первые танки

Первыми применили танки в боевых действиях англичане и французы. Первый английский опытный танк был построен 19 сентября 1915 года. Образец, принятый на вооружение британской армией, опробовали в феврале 1916 года.

Хотя технические предпосылки для создания такой машины имелись еще в начале XX века и изобретатели разных стран бомбардировали военные ведомства своими проектами, лишь насущная военная необходимость обусловила появление танка на поле боя. До августа 1914 года все потенциальные противники разрабатывали доктрины маневренной и быстротечной войны. Все армии собирались энергично наступать, чтобы решить исход кампании в несколько месяцев или недель. В рамках такой концепции нашлось место и для бронепоездов, и для бронеавтомобилей, и для артиллерийских установок на автошасси – то есть средств, способных вести высокоманевренные действия. Тихоходные и неповоротливые танки в эти представления явно не вписывались.

Но к концу 1914 года выяснилось, что противостоящие коалиции оказались достаточно сильны, чтобы сорвать планы противника, и одинаково слабы, чтобы осуществить собственные. Вскоре фронты зарылись в землю, опутались колючей проволокой, ошетинились пулеметами. Любая атака захлебывалась в крови, двух пулеметов на 300 метров фронта оказалось достаточно, чтобы отбить натиск сколь угодно количества пехоты. Быстро выяснилось, что даже тяжелая артиллерия не способна выкурить противника с хорошо оборудованных позиций. Для захвата одной квадратной мили наступающие теряли до 8000 человек. Десятимесячное топтание под Верденом стоило сторонам 1 миллиона человек – средства обороны явно возобладали над средствами нападения. Требовался качественный рывок для выхода из «позиционного тупика».

Применение немцами ядовитых газов и грандиозные саперные операции союзников не решили задачу прорыва эшелонированной обороны. И вот тогда англичане развернули серийное производство тяжелых танков. 15 сентября

1916 года на реке Сомме 49 английских танков приняли участие в боевых действиях против германских войск. Правда, первые бои с участием танков были неудачны. Машин было мало, они были технически ненадежны и зачастую применялись на малоподходящей для их действий местности. Из всех боев Первой мировой войны, в которых участвовали танки, наибольшее значение имели сражения при Камбре (20 ноября 1917 г.), Суассоне (18–30 июля 1917 г.), Амьене (8 августа 1917 г.), в которых участвовало от 350 до 500 британских и французских танков.

Эти сражения показали, что танки при массированном применении их на танкодоступной местности могут осуществить внезапный прорыв позиционного фронта и создать условия для перерастания тактического успеха в оперативный. После первых неудачных опытов боевого применения танки оказали заметное влияние на ход военных действий последнего этапа войны. Лишь недостаточное количество машин и техническое несовершенство их ранних конструкций явились причинами, по которым они не повлияли на изменение характера боевых действий. Низкая надежность и небольшая скорость движения стали теми причинами, из-за которых танки до конца первого мирового конфликта оставались лишь тактическим средством.

Немцы, столкнувшись с первыми образцами танков, заметили только несовершенство их ранних конструкций и не сумели разглядеть даже ближайшее будущее этого нового вида боевой техники. А через два года в докладе представителя германского Генерального штаба, зачитанном на собрании лидеров партий рейхстага 2 октября 1918 года, было сказано: «Военная обстановка в течение немногих дней изменилась в корне... Надежда победить противника

исчезла. Первым фактором, решительно повлиявшим на такой исход войны, являются танки. Неприятель применил их в громадных, нами не предвиденных массах... Танки прорвали наши передовые позиции, открыв путь своей пехоте, продвинулись в тыл нашим войскам, произведя местную панику и нарушив управление боем».

К этому моменту англичане имели уже 2300 танков, а французы – 4330. Новые боевые машины стали подразделяться на тяжелые, средние и легкие, хотя, несмотря на различный вес и вооружение, все танки Первой мировой войны относятся к одному типу, пригодному только для выполнения задач непосредственной поддержки пехоты.

В 20-е годы Великобритания, опередившая в создании и боевом применении танков другие страны, продолжала сохранять свои передовые позиции в этой области. В 1922–1930 годах из английских заводских цехов выходили образцы боевых машин разных типов. Среди них были танкетки, легкие, средние танки и тяжелый танк. Они широко экспортировались за границу и во многих странах послужили образцами для подражания при развертывании национального танкостроения.

Французская армия по окончании войны имела самый многочисленный танковый парк в мире. Однако затем танкостроение в этой стране вступило в стадию «летаргического сна» – за семнадцать послевоенных лет было выпущено всего около 280 новых машин. Столь легкомысленное отношение вполне объяснимо: французские генералы чувствовали себя победителями, обладавшими к тому же сильнейшей армией в Европе. Любое предложение оснастить вооруженные силы новейшей техникой отвергалось. Даже простая моторизация войск объявлялась вредной. Танки по-прежнему считались пригодными лишь для поддержки пехоты и были распыланы по разным частям.

Немцы до сентября 1918 года сумели произвести лишь 20 танков, затем последовал крах и Версальский договор, по которому Германии полностью запрещалось производить танки, бронеавтомобили и иметь танковые войска. Согласно договору Германия могла иметь лишь ограниченное число бронемашин, предназначенных для выполнения полицейских функций. Но, как мы уже говорили, немцы не обременяли себя строгим соблюдением статей, а совсем наоборот, преследовали свои цели.

Вопреки всем запретам, секретные работы велись как в области организации и тактики танковых войск, так и подготовки кадров для них. Кроме того, немецкие конструкторы приступили к непосредственному проектированию и постройке моделей новых танков.

Уже в 1925 году фирмы «Рейнметалл-Борзинг», «Крупп» и «Даймлер-Бенц» получили от Управления вооружений рейхсвера заказ на разработку тяжелого танка. Этот проект получил условное обозначение «Большой трактор». Естественно, при этом создавалось впечатление, что работы ведутся над какой-то сельскохозяйственной или дорожной машиной. Прототипы двигателей и коробок передач отрабатывались на грузовых автомобилях. Опытные образцы танков строились главным образом за границей, на заводах, контролировавшихся германскими монополиями, а двигатели и трансмиссии поставлялись из Германии. В 1928 году провели испытания прототипов танков фирм «Крупп» и «Рейнметалл-Борзинг». Даймлеровские машины задержались почти на год, зато они могли плавать. В это же время были построены образцы легкого танка, названного соответственно «Легкий трактор», и самоходной артиллерийской установки, созданной на базе шасси гусеничного тягача с пушкой калибра 77 мм. В 1929–1931 годах шесть тяжелых и четыре легких «трактора» прошли цикл испытаний в России на танковом полигоне «Кама».

Ни одна из перечисленных выше машин не удовлетворяла требованиям заказчика, и немецким фирмам пришлось начать работы над следующими прототипами. В этом смысле Версальские ограничения сыграли свою негативную роль: Германия поздно начала создавать свои бронетанковые силы, у нее просто не было времени эмпирическим методом найти идеальные технические и организационные решения. В результате созданные в 30-е годы немец-

кие танки отличались слабой бронезащитой, низкой надежностью ходовой части и недостаточной огневой мощностью. Эти недостатки удалось преодолеть лишь к 1943 году в новом поколении немецких танков, когда война была уже проиграна.

Большевикам тоже нужно было оружие, много оружия, так как они собирались воевать со всем миром. В 1915–1916 годах В.И. Ленин теоретически обосновал и изложил свою военную программу: для начала захватить власть в одной из стран, затем, всемерно вооружившись, выступить против других государств. Ибо «невозможно свободное объединение наций в социализме без... упорной борьбы социалистических республик с отсталыми (?) государствами». Для ведения такой войны желательно было взять власть в какой-нибудь высокоразвитой стране, например в Германии, чтобы использовать затем ее ресурсы на дело мировой революции.

Отто фон Бисмарк как-то сказал, что социализм можно строить лишь в той стране, которую не жалко. В этом смысле не повезло России. В октябре 1917 года власть в ней захватили левые радикалы. «Военная программа пролетарской революции» начала воплощаться в жизнь. Ильич не бросал слов на ветер, все богатства ограбленной дочиста страны были брошены на раздувание хаоса в разоренной войной Европе, потоки золота и оружия шли через большевистских эмиссаров в Германию, Венгрию, Австрию. Наконец, 1 октября 1918 года Ленин требует от Троцкого и Свердлова создать армию в 3 миллиона человек для «помощи международной рабочей революции».

Однако программа дала сбой, Баварская и Венгерские республики были свергнуты, а в самой России все сильнее разгоралась Гражданская война – народ уже в досталь нахлебался «пролетарской диктатуры». Ленину пришлось на время отложить свои глобальные планы и заняться неблагодарной работой по «очистке земли российской от всяких вредных насекомых». Насекомых оказалось много, против них пришлось применять и пулеметы, и газы, и танки...

Формирование броневых автомобильных отрядов началось одновременно с созданием Красной Армии. 31 января 1918 года приказом народного комиссара по военным делам образован первый центральный орган управления броневыми частями – Центрбронь. Уже к октябрю РККА имела на вооружении 23 бронепоезда и 37 броневых отрядов, в которых насчитывалось 150 броневых автомобилей, а к 1920 году – 52 бронепоезда и 103 бронепоезда. В состав отряда обычно входили четыре броневых автомобиля, из них три пулеметных и один пушечный; два-три мотоцикла; четыре автомашины и ремонтные средства. Первые броневые отряды насчитывали до 100 человек личного состава и предназначались для усиления кавалерийских полков и дивизий.

Захваченные в боях Гражданской войны иностранные «Рено» и «Рикардо» стали основой для создания танковых отрядов. Первый штат такого отряда был утвержден приказом Реввоенсовета от 28 мая 1920 года. В отряд включались три танка, несколько автомашин, мотоциклы и железнодорожный состав.

По указанию вождя в 1919 году Совет Труда и Оборона принял решение и о выпуске «первого рабоче-крестьянского танка». Прототипом послужил легкий французский «Рено» FT-17, захваченный в боях с войсками генерала А. И. Деникина. Осенью трофей был отправлен на Сормовский завод. Под руководством инженера Н.И. Хрулева при участии сочувствующих делу революции французских специалистов были разработаны чертежи новой машины, а через семь месяцев после начала организации производства 31 августа 1920 года из ворот завода вышел «Борец за свободу тов. Ленин», следом за ним – тоже борец за свободу «тов. Троцкий». Всего было изготовлено 15 однотипных машин (правда, вооружения хватило только на 12), из которых сформировали 7-й автотанковый отряд РККА.

Танки использовались в основном в наступлении для непосредственной поддержки пехоты, находясь в ее боевых рядах. В частности, советские танковые отряды действовали в составе Кавказского фронта в боях в Грузии и при штурме Тифлиса в феврале 1921 года. К

концу Гражданской войны на вооружении Красной Армии состояло около 100 танков, в основном иностранного производства. Из-за экономических трудностей выпуск «Русского Рено» пришлось прекратить.

В начале сентября 1923 года броневые силы Республики подверглись организационным изменениям. Отдельные небольшие автотанковые отряды были сведены в относительно крупные соединения – «эскадры» танков, которые состояли из двух «флотилий»: тяжелой и легкой. В 1925 году были введены штаты отдельного тяжелого и отдельного легкого танкового батальонов, в каждом из которых предусматривалось иметь по 30 машин.

Вопросами танковой техники в ту пору ведало Главное управление военной промышленности, которое поставило задачу изучить вопросы танкостроения и разработать новую модель советского танка. В 1924 году при Управлении создали техническое бюро, которое возглавил инженер С.П. ГЦукалов. Если раньше разработкой танковой техники занимались отдельные заводы, что не способствовало накоплению необходимого опыта, то теперь все работы сконцентрировались в одном центре. Армия требовала экстренных мер в оснащении броневых сил новой материальной частью, так как в строю находились устаревшие, предельно изношенные трофейные машины, к ним не было ни запчастей, ни вооружения. К апрелю 1925 года обеспеченность танков «Рикардо» 57-мм пушками равнялась 10 %, а пушечные «Рено» вообще оказались разоруженными.

24 октября 1925 года в Мобилизационно-плановом управлении РККА прошло совещание по проблемам танкового строительства, систематизировавшее уже ведущиеся проектно-конструкторские работы. Решением совещания сворачивалось проектирование «позиционного» (тяжелого) танка, а все усилия концентрировались на создании «маневренного» и «малого» танков.

В 1927 году был наконец построен и прошел испытания легкий танк Т-16. После усовершенствования ходовой части он получил обозначение МС-1 – «малый сопровождения, образец первый». Решением Реввоенсовета от 6 июля 1927 года танк был принят на вооружение РККА. К этому времени единственный танковый полк Красной Армии располагал сорока пятью тяжелыми танками «Рикардо», двенадцатью средними «Тейлор» и тридцатью тремя легкими «Рено». Кроме того, в войсках имелось 54 бронемшины советского производства на базе автомобиля АМО Ф-15, сведенных в шесть автоброневых дивизионов.

МС-1 стал первым советским серийным танком, его производство было поставлено на ленинградском заводе «Большевик», но лишь к 1 мая 1929 года были изготовлены первые 30 машин. Десять из них осенью того же года участвовали в военном конфликте на КВЖД, причем в ходе операции семь из них вышли из строя по техническим причинам. Танк МС-1 был маломощен, слабо вооружен и бронирован, но альтернативы ему не было – все броневые силы РККА к концу 1929 года насчитывали 133 танка. МС-1 серийно выпускался до 1931 года, всего было изготовлено 950 единиц.

Для того чтобы вернуться в клуб великих держав, этого было, конечно, недостаточно. Последствия Гражданской войны и военного коммунизма потребовали значительных усилий для налаживания экономики. Провозглашенная в 1921 году новая экономическая политика в целом сыграла свою положительную роль, однако восстановление промышленности затянулось до 1928 года. Так как советское правительство отказалось от уплаты дореволюционных долгов, рассчитывать на получение инвестиций на Западе не приходилось. Промышленное оборудование СССР импортировал за счет экспорта сырья. Ставка на иностранные концессии как на проводники новейших технологий в целом не оправдалась, определенные выгоды приносила лишь дружба с Германией.

«Военная тревога» 1927 года обнажила ряд внутренних противоречий советского общества, показав, что значительная часть населения не поддерживает власть, паника обострила дефицит и привела к срыву хлебозаготовок в стране. Советское руководство убедилось, что

имеющаяся оборонная промышленность и армия не способны обеспечить ведение масштабных военных операций. Все эти внутренние проблемы ограничивали внешнеполитическую активность страны.

Поскольку большевики определенно знали, что новая мировая война неизбежна, необходимо было в кратчайшие сроки создать развитый военно-промышленный комплекс и могучую армию, причем опираясь только на собственные силы и ресурсы.

Для того чтобы совершить экономический скачок, требовалось радикально решить крестьянский вопрос и достигнуть морально-политического единства общества. Таковые задачи товарищ Сталин и поставил перед своим «орденом меченосцев». Наступал год 1929 год – год «Великого перелома».

Военные теории и доктрины

Сразу по окончании Первой мировой войны военные теоретики всех стран приступили к обобщению ее опыта с тем, чтобы определить направления строительства вооруженных сил, характер войны будущей и роль в ней различных родов войск. Сильнейший толчок для развития военной мысли дало появление на поле боя новых видов вооружения – танков, авиации, химического оружия. Именно им многие энтузиасты и создатели не существовавших ранее родов войск отдавали пальму первенства в грядущих сражениях.

Так, итальянский генерал Джулио Дуэ горячо любил бомбардировочную авиацию. Он полагал, что если создать воздушную армию в 1000 бомбовозов и ежедневно использовать по 500 самолетов для разрушения промышленных центров, коммуникаций и т. п., то очень быстро противник потеряет не менее половины своих важнейших объектов. А главное, считал генерал, воздушным террором будет сломлен дух гражданского населения, что повлечет за собой дезорганизацию всего государственного аппарата и военного командования.

Дуэ изложил свои взгляды в книге «Господство в воздухе». В ней он утверждал: «Страна, потерявшая господство в воздухе, увидит себя подвергающейся воздушным нападениям без возможности реагировать на них с какой-нибудь степенью эффективности; эти повторные, непрекращающиеся нападения, поражающие страну в наиболее сложные и чувствительные части, несмотря на действия его сухопутных и морских сил, должны неизбежно привести страну к убеждению, что все бесполезно и всякая надежда погибла. А это убеждение и означает поражение». Согласно его теории после нанесения «деморализующего» воздушного удара сухопутным войскам останется лишь оккупировать территорию подвергнувшейся разрушению авиацией страны.

В США адептом стратегических бомбардировок был генерал Уильям Митчелл. Америка оказалась единственной страной, которой удалось создать в ходе Второй мировой войны стратегическую авиацию, но сломить экономический потенциал Германии и вывести ее из войны одними бомбардировками не удалось – сухопутным силам союзников хватило работы в 1944–1945 годах.

Новую жизнь идеи Дуэ и Митчелла получили в конце XX века, с появлением высокоточных средств доставки с мощными боеголовками. Примеры тому – воздушные наступательные операции «миротворцев» против Ирака и Югославии.

Широкой известностью пользовалась в 20-е годы также теория «малой войны», которую пропагандировали Дж. Фуллер, Б. Лиделл-Гарт, Г. фон Сект, Ш. де Голль. Основная ее идея сводилась к созданию профессиональной, мобильной, полностью моторизованной армии.

В 1922 году бывший начальник штаба английского танкового корпуса генерал Фуллер опубликовал книгу «Танки в великой войне 1914–1918 гг.», в которой доказывал, что войну Антанте удалось выиграть исключительно благодаря танкам. Следовательно, будущая война будет войной механизированной. Она потребует мало людей и много новейшей боевой техники. По мнению Фуллера, идеальная армия, к которой надо стремиться, – это не вооруженное население, а профессиональная армия наемников. Из призывников должны формироваться лишь войска второй линии, назначением которых является оккупация вражеской страны. Главный же удар будет наносить механизированная армия в составе 6–8 танковых дивизий (до 2400 танков и 100 тысяч наемников). Современную армию США можно назвать воплощением идей английского генерала.

Уточним, что все эти военные теории – лишь мнения теоретиков, изыскания частных лиц, не носящие официального характера. Но достижения теоретической мысли в той или иной степени повлияли на формирование военных доктрин разных стран. А вот военная доктрина означает систему официальных взглядов политического и военного руководства по вопросам

подготовки страны и вооруженных сил к войне и способов ее ведения. От того, насколько доктрина соответствует военно-политическим и экономическим реалиям, зависит степень подготовленности государства к грядущим конфликтам.

Великобритания

В Великобритании накануне Второй мировой войны традиционно господствовала доктрина «морской силы», и готовились англичане прежде всего к войне на море – в силу своего географического положения, наличия многочисленных колоний, разветвленных морских коммуникаций, зависимости от внешних поставок. Сухопутным войскам отводилась второстепенная роль, так как на континенте англичане полагались на сильную французскую армию.

Зато авиация долгое время рассматривалась как стратегическое средство ведения войны. С 1923 года в Англии была принята наступательная доктрина «воздушного устрашения». Военное руководство полагало, что, опираясь на военно-морские силы и авиацию, Великобритания сможет подорвать военно-экономический потенциал противника путем разрушения воздушными бомбардировками его политических и промышленных центров. Наземные силы предполагалось использовать только на заключительном этапе для нанесения завершающего удара по врагу.

Однако в 1937 году, когда Министерство авиации приступило к планированию боевых действий против конкретного противника – Германии, выяснилась полная невозможность претворения этой концепции в жизнь. Английские самолеты того времени не могли достичь не только Берлина, но даже ближайшей германской границы. Великобритания не имела ни военно-воздушных баз на континенте, ни подготовленных кадров для нанесения сокрушительных ударов по Германии. Более того, концепция была признана опасной для самой Англии, поскольку она обуславливала одностороннее развитие ВВС – только как наступательной силы, в то время как вопросы воздушной обороны метрополии и колоний от ударов противника стояли на втором месте. Опыт войн в Испании и Китае показал, что одна лишь бомбардировочная авиация не сможет ни сокрушить Германию, ни защитить Остров. В соответствии с этими выводами правительство выделило значительные средства на создание системы ПВО, и с 1938 года в Англии в срочном порядке начали создаваться радарные установки и современная истребительная авиация. К 10 мая 1940 года в британских ВВС имелось 1720 боевых самолетов, из них 474 были отправлены во Францию. В авиации все еще по-прежнему преобладали бомбардировщики, предназначенные для проведения стратегических налетов на промышленные центры.

Роль сухопутных войск до сентября 1939 года в английской военной доктрине никогда по-настоящему не определялась. Они являлись главным средством для участия в колониальных конфликтах, а их применение в возможных военных действиях в Европе мыслилось в масштабах одной-двух дивизий. В уставе указывалось: «От сухопутных армий может потребоваться в первую очередь обеспечение и защита баз для действий морского флота».

Еще совсем недавно Великобритания была самой передовой страной в теории и практике создания бронетанковых войск. В 1929 году Военное министерство издало официальный устав механизированной войны. В Фарнборо был создан экспериментальный центр, имевший свой филиал в Египте. Новая бронетанковая техника проходила испытания в условиях пустыни. Однако вследствие консерватизма высшего военного руководства Англии вопрос об увеличении количества бронетанковых частей долгое время висел в воздухе. Только в 1936 году правительство приступило к коренной реорганизации сухопутных войск. Началось создание первых бронетанковых и моторизованных соединений. Но отсутствие четко разработанной концепции использования бронетанковых сил в боевых действиях привело к тому, что перед

войной английская армия имела на вооружении самые различные по своим тактико-техническим данным боевые машины.

Даже в начале 1939 года Генеральный штаб не мог окончательно определиться, какой вид танков нужен армии: для защиты колоний считалось необходимым иметь легкие машины, а для посылки во Францию – тяжелые, для поддержки пехоты – тихоходные, хорошо бронированные, а для мобильной войны – быстроходные крейсерские танки.

В сентябре 1939 года Великобритания в метрополии имела 9 танковых бригад, 8 пехотных, 2 кавалерийские и 16 территориальных дивизий. На каждую пехотную дивизию (14 500 человек) по штату полагалось 147 орудий, 126 минометов, 361 противотанковое ружье, 644 легких и 56 тяжелых пулеметов, 28 легких танков и 140 бронетранспортеров.

По утверждению фельдмаршала Монтгомери, английские сухопутные войска в этот период были совершенно не готовы к ведению крупных боевых операций: они испытывали нехватку танков, орудий, имели слабую противотанковую артиллерию, плохой тыл и были недостаточно обучены. Впрочем, английское командование было уверено, что времени еще достаточно, и если Германия и решится напасть на Францию, то военные действия будут протекать медленно.

Франция

На формирование военной доктрины Франции сильнейшее влияние оказали не новые веяния в военном деле, а непосредственные итоги Первой мировой войны. Эти итоги как бы подтверждали, что именно генералы Франции являются единственными носителями прогрессивной военной мысли. В отличие от британских теоретиков, французы считали, что победу Антанте принесло торжество стратегии истощения сил противника в ходе позиционной войны.

Политические и военные деятели не признавали серии ошибок, допущенных в ходе ведения боевых действий, и не хотели слышать никаких критических оценок. «Любое исследование прошедшей войны, – пишет Э. Каррьяс, – могло быть опубликовано только с разрешения военного министра... Благодаря этой замаскированной цензуре царил абсолютная косность, казенщина».

Поэтому французская военная доктрина развивалась медленно. Генеральный штаб не придавал должного значения тому, что появление моторизованной пехоты, танков и авиации, наряду с внедрением для управления ими радио, изменило характер вооруженной борьбы, сделав ее маневренной и динамичной. Наоборот, французские теоретики пришли к выводу, что с появлением новых средств вооруженной борьбы оборона, усиленная танками, усовершенствованной артиллерией, авиацией и автоматическим оружием, становится неодолимой. Вследствие этого считалось, что будущая война примет с самого начала позиционный характер и мало чем будет отличаться от предыдущей.

Идея позиционной войны нашла свое практическое воплощение в строительстве многочисленных укрепленных позиций вдоль всей восточной границы и морского побережья. Особые надежды возлагались на долговременные сооружения линии Мажино и бельгийские укрепленные районы Намюра, Льежа и Антверпена. Французский теоретик Шовино в книге, изданной в начале 1939 года, доказывал читателям, что в современных условиях при соответствующем фортификационном укреплении приграничных районов страны вторжение противника немыслимо. При наличии на границе своевременно развернутых войск с необходимым количеством пулеметов можно будет «удерживать германскую армию в течение трех лет». Обыватель мог быть спокоен: Франция надежно защищена.

В соответствии с общей оборонительной концепцией вырабатывались способы ведения боевых действий и использования родов войск. Предусматриваемые формы и способы вооруженной борьбы были пассивными, нерешительными, исключая смелый маневр. Основой

непреодолимости обороны считалась организация непрерывного сплошного фронта вооруженной борьбы и огневого заграждения. Во имя создания такого фронтального огневого заграждения игнорировалась глубина обороны и выделение резервов.

Конечно, французская теория не отвергала идею наступления. Но этот вид боевых действий допускался только после значительного ослабления противника. Наступление при этом предлагалось вести последовательно, по этапам, с длительной и тщательной подготовкой. Идея внезапности практически исключалась.

Роль военно-воздушных сил в будущей войне недооценивалась. Считалось, что авиация будет больше применяться для ведения разведки, прикрытия и обеспечения безопасности наземных войск и тылов от ударов авиации противника. Выполнению самостоятельных воздушных операций по войскам и тыловым объектам противника придавалось второстепенное значение. К началу войны ВВС Франции насчитывали вместе с морской авиацией 3335 боевых самолетов, из них 55 пикирующих бомбардировщиков.

Основным видом вооруженных сил признавались сухопутные войска, а главным родом войск в них – пехота.

«Пехота, – говорилось в уставе, – играет главную роль в бою... Все остальные рода войск используются в интересах пехоты». Главной огневой и ударной силой считалась артиллерия, а значение танков недооценивалось. Французы полагали, что танки должны играть прежде всего роль поддержки пехоты, самостоятельные действия их весьма ограничены и не могут иметь существенного значения.

Конечно, во Франции тоже были теоретики, которые, вопреки официальной военной доктрине, высказывали те же идеи, что и их английские, немецкие или советские коллеги. В мае 1934 года увидела свет книга Шарля де Голля «За профессиональную армию», посвященная вопросам стратегии и тактики и деталям формирования танковой профессиональной армии. Однако де Голлю пришлось фактически в одиночку противостоять французскому Генеральному штабу.

В итоге в августе 1939 года из 108 имевшихся дивизий только три были легкими механизированными, сформированными на базе кавалерийских. В состав каждой такой дивизии входили танковая и моторизованная бригада, разведывательный и артиллерийский полки – всего 174 танка и 105 броневых автомобилей. Кроме того, в каждой из 5 кавалерийских дивизий имелось 22 танка и 36 броневых автомобилей. В пехотных дивизиях (17,8 тыс. человек) танков не было. Большая их часть находилась в 39 отдельных танковых батальонах, предназначенных для поддержки пехоты. К созданию четырех полноценных танковых дивизий французы приступили только после германо-польской войны. Эти соединения, укомплектованные в основном легкими и тихоходными танками, не сыграли заметной роли в боевых действиях.

Во французских инструкциях 1933–1939 годов разрабатывались способы применения танков только в тактических рамках. Пехотная дивизия наступала в полосе шириной 3–5 км, имея боевой порядок в один эшелон, артиллерийскую группу и резерв. Дивизии на главном направлении придавалось до 180 танков. Боевые порядки танков в наступлении строились в три эшелона. Первый эшелон (эшелон продвижения) состоял из средних танков и предназначался для подавления артиллерийских позиций и тактических резервов противника. Второй эшелон (эшелон поддержки), также из средних танков, имел задачу подавить пулеметные огневые точки и атаковать вражеские опорные пункты с тыла. Третий эшелон (эшелон сопровождения) – легкие танки – в тесном взаимодействии с артиллерией и пехотой занимал и закреплял за собой позиции противника.

Пехота шла в атаку за танками мелкими группами при поддержке артиллерии сопровождения. Моторизованная пехота рассматривалась как подвижный резерв. Глубина атаки танков ставилась в зависимость от возможностей поддержки дальнобойной артиллерией. Отсюда видно, что в французской армии танки в наступлении предназначались главным образом для

прорыва тактической обороны противника. Боевое применение танков фактически ограничивалось полосой и глубиной наступления армейского корпуса. Способности танков совершать широкий маневр не придавалось значения.

В обороне пехотная дивизия занимала полосу шириной 6–8 км. Оборона создавалась по системе узлов и опорных пунктов. Уничтожение вклинившегося противника предусматривалось перекрестным огнем и последовательными контратаками полковых, дивизионных и корпусных резервов.

Основной порок французской военной доктрины заключался в том, что стратегическая инициатива преднамеренно заранее отдавалась противнику. Пассивная стратегия, в свою очередь, приводила к неправильным взглядам на боевое применение танков и моторизованных войск. Например, Генштаб совершенно исключал возможность прорыва немецких моторкорпусов через Арденны в обход укрепленных линий. Самоуверенность и слепота военно-политического руководства обрекали Францию на трудные времена.

Германия

Германскому генералитету в 20-е годы поневоле пришлось взять на вооружение теорию «малой армии». Для небольшого по численности, но высокоподготовленного рейхсвера развивалась теория мобильной стратегии. «Все будущие способы войны, – писал Сект в 1921 году, – похоже, связаны с применением подвижных армий, относительно небольших, но высокого качества и действующих эффективно с поддержкой авиации». Правда, авиацию и бронетехнику пока приходилось имитировать.

Главным приверженцем механизированной войны в рейхсвере стал Хейнц Гудериан. Свои размышления над результатами Первой мировой войны он подытожил выводом: «Из всех наземных средств танк обладает наибольшей решающей силой». То есть той силой, которая позволит солдату в бою доставить свое оружие как можно ближе к врагу, чтобы уничтожить его. В 1928 году Генеральный штаб возложил на Гудериана задачу по развитию тактики применения танков. Полковник проанализировал работы иностранных военных теоретиков, добавил свои собственные идеи и съездил на стажировку в Швецию, посетил танковую школу в Советской России.

Ободренный полученным опытом, он вернулся в Германию, чтобы начать реализацию плана действий, в котором акцент был сделан на бронированную атаку такой силы, какой ни немецкие командующие, ни вероятные противники из других европейских стран не ожидали. Когда Гудериан потребовал, чтобы танки действовали самостоятельно от других родов войск, которые должны были выполнять подчиненную роль в отношении танков, – это воспринималось как инакомыслие. Но Гудериан был убежден, что в «формировании всех вооружений танки должны играть первостепенную роль».

На учениях летом 1929 года он продемонстрировал действия «решающих сил» – танковой дивизии. Для многих участников все это казалось забавным, так как атака производилась крохотными автомобилями, укрытыми холстом и листами железа, не имеющими вооружения и застревающими на пустячных препятствиях. При каждой возможности пехотинцы на учении протыкали «броню» этих «танков» штыками. Тогда идеи Гудериана казались высокопоставленным генералам рейхсвера утопичными и не учитывающими реальное политическое и экономическое положение Германии. Так, инспектор моторизованных частей Отто фон Штюльпнагель заявил пылкому полковнику: «Поверьте мне, на нашем веку никто из нас не увидит использования немецких танков в операциях».

Но через четыре года к власти пришли национал-социалисты. Гитлер полностью отдавал себе отчет в том, что в грядущей войне моторизация «будет преобладать и сыграет решающую роль». Об этом он писал в своем программном сочинении в 1926 году, а также о том, что

германский народ должен вооружаться и завоевывать «жизненное пространство». Так что у Гудериана появился реальный шанс получить и испытать в деле свои «игрушки».

Перелом в карьере Гудериана произошел в начале 1934 года в Кунерсдорфе, когда он смог продемонстрировать свои идеи фюреру. Как представлял Гудериан, типичному танковому удару будут предшествовать разведывательные роты на мотоциклах или бронемашинах, нащупывающие слабые места во вражеской обороне и сообщающие сведения по радио на командный пункт для координации всего наступления. Затем танки атакуют слабые участки с целью прорыва. Как только они проникнут за полосу обороны противника, то не станут укреплять свои позиции или дожидаться отхода неприятеля, а будут продолжать движение, глубоко врежаясь на территорию врага, чтобы нанести удар по пунктам командования, связи и снабжения. Противотанковые орудия будут следовать вслед за танками для оказания помощи в борьбе с бронечастями противника и закреплять захваченные позиции, а пехота будет следовать на грузовиках для прикрытия флангов, пока танки будут продвигаться дальше. Гудериан предлагал иметь два типа боевых машин: основной, сравнительно легкий и подвижный с противотанковой пушкой, и средний – с короткоствольным орудием для непосредственной артиллерийской поддержки основных танков.

Хотя показ был несовершенным, Гитлер все понял. Он верил в доктрину абсолютной войны Клаузевица и стратегию сокрушения. При этом рейхсканцлер понимал опасность для Германии войны на два фронта. Значит, необходимо было разбивать своих противников поочередно, в кратчайший срок при минимальном материальном ущербе, с тем, чтобы внезапными мощными ударами сломить их волю к сопротивлению. Экономические возможности Германии просто не позволили бы ей вести продолжительную войну с великими державами.

Выходом из этой ситуации могла стать стратегия «молниеносной войны», которая должна была обеспечить разгром любого противника до того, как он будет способен в полной мере развернуть свой военно-экономический потенциал. Идеи «Быстроходного Хейнца» были созвучны идеям самого Гитлера. «Это то, что мне нужно!» – воскликнул он. В июне были официально образованы танковые войска, возглавляемые генералом Луцем и Гудерианом в качестве начальника штаба этих войск.

Таким образом, официальной военной доктриной Германии стала доктрина «тотальной и молниеносной войны». Слово «блицкриг» начало широко употребляться в нацистской печати с 1939 года. До этого предпочтение отдавалось терминам «подвижная война», «быстротечная война», «война на сокрушение». При этом вступление страны в войну должно с первой минуты носить характер внезапного оглушающего удара по врагу со всей доступной мощью: «Стратегия завтрашнего дня должна стремиться к сосредоточению всех имеющихся сил в первые же дни начала военных действий. Нужно, чтобы эффект неожиданности был настолько ошеломляющим, чтобы противник был лишен материальной возможности организовать свою оборону».

В Берлине сделали ставку на максимально эффективное использование наличных экономических возможностей для подготовки вооруженных сил к отдельным молниеносным кампаниям, паузы между которыми позволяли накопить новые резервы для следующего удара. Сама идея скоротечной сокрушительной кампании не нова, это идеал, к которому стремился каждый полководец. Просто на этот раз победу должны были добыть танки и авиация. Решительную цель планировалось достигнуть, окружив и уничтожив врага, с помощью танковых клиньев и клещей.

Авиации ставилась задача завоевать господство в воздухе в первые же дни войны, разрушить железнодорожные узлы, полностью изолировать район решающих боевых действий от тыла противника, оказать непосредственную поддержку своим войскам на поле боя. Для полного уничтожения врага и более высоких темпов наступления подготавливались воздушно-десантные и моторизованные войска.

Принципы подготовки и проведения операций сводились к следующему: массирование сухопутных сил, в первую очередь танковых и моторизованных соединений, а также авиации на направлении главного удара с целью быстрого прорыва оборонительных линий противника и стремительного продвижения в глубь его территории, нарушение связи и взаимодействия, захват коммуникаций и стратегических пунктов, охват, окружение и уничтожение крупных группировок. В конечном счете имелось в виду достигнуть полного разгрома вооруженных сил противника в самом начале войны. Все другие стратегические, политические и экономические задачи решались сообразно с ходом таких действий.

Основная особенность тактики наступательного боя заключалась в стремлении к одновременному подавлению силами авиации и танков тактической зоны вражеской обороны. Отдельные танковые бригады войскового усиления и пехотные дивизии предназначались для прорыва тактической глубины обороны противника. Одновременно авиация должна была подавлять артиллерийские позиции и ближние резервы врага. После прорыва планировался ввод в сражение танковых групп в составе танковых дивизий и корпусов, а также моторизованных дивизий для разгрома подходящих резервов противника в оперативной глубине.

Таким образом, отдельные танковые бригады совместно с пехотными дивизиями использовались для решения тактических задач, а танковые дивизии и корпуса – для развития тактического успеха в оперативный.

Окончательное утверждение идеи оперативного использования танковых масс в наступлении и превращение ее в один из важнейших элементов германской военной доктрины нашли свое выражение в директиве по руководству и боевому использованию танковой дивизии от 1 июня 1938 года. Если в первых полевых уставах, вышедших в 1933–1937 годах, использование танков не мыслилось без тактического взаимодействия с пехотой, то указанная директива исходила из необходимости широкого оперативного применения танковой дивизии в наступлении. Оборона рассматривалась как эпизодическое явление.

Идеи и принципы «молниеносной войны» легли в основу всех стратегических планов германской агрессии.

В соответствии с основными положениями военной доктрины велось военное строительство. На совещании 14 октября 1938 года Геринг объявил: «Гитлер поручил мне создать гигантскую программу вооружений, перед которой померкнут все предыдущие достижения. Я получил от фюрера задание беспредельно увеличивать вооружение». Естественно, максимальное развитие должны были получить высокомобильные войска, обладающие большой ударной силой, и авиация.

К сентябрю 1939 года ВВС Германии насчитывали 4405 боевых самолетов, в том числе 336 пикирующих бомбардировщиков. Приоритет имели фронтовые бомбардировщики среднего радиуса действия, способные тесно взаимодействовать с сухопутными войсками. Истребители также широко привлекались для поддержки наземных частей. Стратегической авиации у немцев не было. Авиация должна была выполнять роль дальнобойной артиллерии, расчищать путь ударным группировкам, наносить удары по резервам и коммуникациям противника, сеять панику в его тылу, при необходимости обеспечивать снабжение с воздуха прорвавшихся в глубь территории врага бронетанковых войск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.